Переводы

Терезе Гарстенауэр
Университет Вены, Австрия

Гендерные и квир-исследования в России

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-160-174

Описывать актуальное положение гендерных и квир-исследований в России не означает рассказывать историю успеха. Скорее, требуется провести опись того, к чему привело «бурное развитие» и «стремительное становление гендерных исследований в России» [Khmelevskaja, Nikonova, 2003, p. 357]. При этом следует принять во внимание как общественные, так и гендерно-политические тенденции развития с наступлением нового тысячелетия. Кроме того, важно описать структуру междисциплинарного и мультидисциплинарного поля, его позицию в науке и образовании, а также предметные области, в которых оно сегодня существует.

1. Гендерные режимы и гендерная политика в сегодняшней России

Во времена гласности и перестройки, особенно в первые постсоветские годы, Россия во многом считалась страной особых надежд, в том числе в сфере развития демократии и гражданского общества. Но эти надежды себя не оправдали [Johnson, Saarinen, 2013, p. 543]. В настоящее время Россия формально является демократическим государством, однако эта демократия оценивается как нелиберальная, управляемая или «полуавторитарная» [Ibid., p. 546] по причине

Терезе Гарстенауэр — PhD in History, ведущий научный сотрудник Департамента экономики и социальной истории Университета Вены, Австрия.
Therese Garstenauer — PhD in History, senior research fellow at the University of Vienna (Department of Economic and Social History).
Перевод с немецкого выполнен Дарьей Рыбаковой по изданию: Garstenauer Th. (2017) Gender und Queer Studies in Russland. *L'Homme*, 28: 127-136. Мы благодарим редакцию журнала L'Homme и лично Михаэлу Хафнер, а также автора статьи за предоставленные права на перевод.

централизации власти в руках президента и ограничений свободы прессы и гражданских прав.

С начала нулевых годов многие исследователи и исследовательницы в области социологии и культурологии стали отмечать политические тенденции, которые ставили гендерную проблематику в центр внимания после периода отсутствия политического интереса к ней. Эти процессы окрестили «биополитическим поворотом» (*biopolitical turn*), они стали более очевидны после того, как Владимир Путин решил пойти на третий президентский срок в 2012 г. [Temkina, Zdravomyslova, 2014; Stella, Nartova, 2016; Makarychev, Medvedev, 2015].

Политика поощрения роста рождаемости и национальная политика, проводимые путинской администрацией, проявились в таких мерах, как введение в 2007 г. материнского капитала: матерям двух и более детей полагается значительная денежная сумма, предназначенная для улучшения жилищных условий, пенсионных накоплений или образования детей. И действительно, рождаемость за этот период выросла: с 1,2 ребенка на женщину в 2000 г. до 1,78 в 2015 г. [Росстат, 2016 с. 28]. Низкий уровень влияния демографической политики на уровень рождаемости статистически доказан [Miljkovica, Glazyrina, 2015, p. 970]. Представление о том, что материнство играет центральную роль в жизни большинства российских женщин, по утверждению Ольги Здравомысловой, является конституирующим для российской культуры и истории [Здравомыслова, 2017]. Вопрос о том, насколько такое обобщение валидно в исторической перспективе, я оставлю открытым. Можно найти социологические доказательства значимости материнства в жизни российских женщин [Исупова, 2000; Temkina, 2010; Rivkin-Fish, 2013, p. 580], но есть также подтверждения, что для более молодого поколения оно (уже) не является столь обязательным: «Тем не менее более молодые респонденты были, скорее, готовы согласиться с тем, что жизнь женщины не обязательно должна включать в себя материнство» [Rotkirch, Kesseli, 2010, p. 213].

Если рассматривать репрезентации и практики маскулинности, то обнаруживается ее кризис, берущий начало в позднесоветский период: реальные мужчины не могут состязаться с гегемонными представлениями о маскулинности времен героического отцовского поколения (герои войны, строители Советского Союза) или со стереотипизированной западной мужественностью [Zdravomyslova, Temkina, 2012]. Новый тренд приводит к росту ценности специфической мужественности, которая во многом отсылает к позитивному образу, созданному вокруг президента [Riabov, Riabova, 2014a]. Этот тренд имплицитно подразумевает отвержение Запада, который рассматривается как декадентский и деградирующий, как благо-

приятная среда для гомосексуальности, педофилии и прочих нежелательных «отклонений».

Россия представляет себя на этом фоне последним бастионом «нормальности» [Riabov, Riabova, 2014b][1]. Гендерные и квир-исследования дискредитируются как «мягкая власть» («soft power»), которая якобы разрушает российские ценности и угрожает демографическому развитию — эта точка зрения озвучивается даже в академических журналах [Устинкин, 2016[2]]. Речь идет не о специфически российском явлении: аналогичную аргументацию легко услышать и в европейских странах, где раздаются голоса консерваторов и правых популистов, негодующих из-за «гендерного сумасшествия» [Hark, Villa, 2015].

Было бы опрометчивым полагать, что население России полностью подчинено этому биополитическому повороту. Андрей Макарычев и Сергей Медведев, авторы статьи о биополитике и власти, считают именно так: «[...] остается под вопросом эффективность и применимость биополитики в современной России, в современном, секуляризированном городском обществе со значительным уровнем разнообразия социальных норм, особенно в отношении секса, воспроизводства и семьи» [Makarychev, Medvedev, 2015, p. 51]. Я укажу здесь на две инициативы в контексте социальных медиа, которые открыто направлены против патриархатной и гетеронормативной политики. Во-первых, журналистка Лена Климова создала платформу для несовершеннолетних представителей ЛГБТ под названием «Дети-404» (отсылка к коду ошибки, отображающемся на интернет-странице, когда она [больше] не доступна), которая дает им возможность (анонимно) стать видимыми [Климова, 2017]. Во-вторых, украинская журналистка Настя Мельниченко запустила в 2016 г. инициативу, аналогичную немецкой инициативе #aufschrei[3] 2013 г., обозначив ее тэгом #яНеБоюсьСказати. Под этим хэштегом множество женщин постсоветского пространства рассказали про свой опыт столкновения с сексуальным насилием [Walker, 2016].

1 Здесь также обращается внимание на законы о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений», которые вступили в силу в 2011 г. на региональном и в 2013-м на федеральном уровне и которые осложняют или делают невозможной работу ЛГБТ-организаций.

2 Эта статья раскритикована из-за недостаточной научной обоснованности алармистских аргументов [Кашина, 2016].

3 «Возглас», инициатива, имевшая место в немецкоязычном твиттере, которая была направлена против сексизма. — *прим. пер.*

2. Гендерные и квир-исследования как академический и политический проект

2.1. Академическое поле гендерных и квир-исследований в России

Гендерные и квир-исследования в России поначалу практически приравнивались к женским исследованиям. Лишь к концу 1990-х возник растущий интерес к исследованию мужчин и мужественностей [Тартаковская, 2002, с. 112; Garstenauer, 2010]. Единичные исследования лесбийских «жизненных миров» существуют с начала 2000-х годов [Nartova, 2007], а непосредственно квир-исследования — это достижения последних пяти лет [Kondakov, 2016]. Исключение из описанной последовательности представляют собой работы Игоря Кона (1928–2011), который еще до 1991 г. изучал историю сексуальности, и чьи книги о сексуальной культуре и однополой любви, изданные в 1990-е годы, считаются классикой [Кон, 1997; 1998].

С тех пор как в России появляются гендерные исследования — именно под этим названием (в 1990 г. был основан Московский центр гендерных исследований) этот академический и политический проект обвиняют в том, что он якобы является инородным телом, импортированным с Запада, непригодным для российской действительности. И действительно, молодое междисциплинарное направление гендерных исследований практически полностью базировалось на западной литературе, теориях и методологии; кроме того, основную поддержку его развитию оказывали гранты международных фондов (MacArthur Foundation, Ford Foundation, Heinrich-Böll-Stiftung и др.).

Полученные средства давали возможность основать исследовательские центры, осуществлять исследовательские проекты, издавать специализированные журналы[1] и вести преподавание в области гендерных и квир-теорий. Можно возразить, что женская история была тематизирована еще в предсоветские времена (это довольно давно доказала Наталья Пушкарева [2002]), хотя и представляла собой маргинальную тему; кроме того, в Советском Союзе этнографы занималась вопросами гендерных отношений [Там

1 Например, журнал «Гендерные исследования», выпускаемый с 1998 г. Центром гендерных исследований в Харькове, Украина. С 2010 г. не вышло ни одного номера, в настоящий момент, однако, готовится выпуск на тему феминизма и марксизма в бывшем СССР (личное сообщение издательницы Ирины Жеребкиной от 09.06.2017). Кроме того, единственным русскоязычным специализированным изданием является журнал «Женщина в российском обществе», издаваемый с 1996 г. в Иванове.

же, с. 11]. Сама Пушкарева с 1970-х годов изучает женскую историю русского средневековья и раннего Нового времени. Гендерные исследования, а в последние пять лет квир-исследования являются качественно новым феноменом и функционируют, как утверждает социальный антрополог из Новосибирска Татьяна Барчунова, прежде всего в формате рискованного транснационального предприятия [Barchunova, 2009].

Елена Гапова предложила в этом контексте ясный анализ российских социальных наук в целом и гендерных исследований, в частности, используя инструментарий Бурдье [Гапова, 2010]. Гапова описывает рынок символических капиталов, который характеризуется наличием двух противоположных полюсов. С одной стороны, сохраняется ориентация на традиционную, в том числе пришедшую из советских времен академическую культуру и методологию [Iukina, 2014]. Этому направлению принадлежит главным образом российское академическое сообщество, институционально локализованное в государственных университетах и институтах Академии наук. С другой стороны, часть социальных ученых нацелена на встраивание в международную академическую аудиторию. Это объясняется господством глобального разделения труда в социальных и гуманитарных науках, в рамках которого Россия находится на полупериферии [Blagojevic, 2009], а также материальной поддержкой [второго полюса] со стороны западных стран. С точки зрения институтов, фактор материальной поддержки более значим для частных университетов и исследовательских центров (например, Европейского университета в Санкт-Петербурге или Центра независимых социологических исследований, который расположен там же).

Эта поддержка прекратились, когда в мае 2015 г. принят закон о «нежелательных организациях». После этого большинство организаций, которые с 1992 г. предоставляли средства для академических и гражданских проектов, прекратили свою деятельность в России [Сташ, 2015]. Закон против «иностранных агентов», принятый в 2012-м и ужесточенный в 2014 г., стал очередным ударом по гендерным и квир-исследованиям, которые проводились не только в университетах, но и некоммерческих исследовательских центрах. Организация, внесенная Минюстом в реестр НКО, «иностранных агентов», должна быть готова к бюрократическим издержкам. Кроме того, и это еще ощутимее, страдает репутация организации, которая получает клеймо «иностранного агента» [Город 812, 2016]. Многие прежде активные центры, к примеру, Московский центр гендерных исследований или Саратовский центр гендерных исследований и социальной политики, были вынуждены прекратить свою деятельность [Romanov, Iarskaia-Smirnova, 2015].

2.2. Гендерные и квир-исследования: социология, история и лингвистика

В российских университетах не существует программ подготовки бакалавров или магистров по гендерным и квир-исследованиям, однако они интегрированы, например, в программу магистратуры по социологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Наряду с социологией история и лингвистика — важнейшие дисциплины, в рамках которых осуществляются гендерные и квир-исследования.

В области социологического образования происходит нечто похожее на то, что Елена Гапова обнаружила в связи с гендерными исследованиями. Продолжают существовать два направления, которые редко соприкасаются друг с другом. Давид Константиновский из Института социологии Российской Академии наук охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Есть официальная социология, не столько марксистская, сколько услужливая — она предоставляет то, что от нее требуется. Уровень методологии примитивен, но она произносит нужные слова. Подлинная социология, настоящие аналитические методы существуют лишь благодаря фондам» [цит. по Kotkin, 2006, p. 99]. Второе, «подлинное» направление, реализуется прежде всего в частных университетах и центрах. Вероятно, под воздействием актуальных общественных тенденций там активно реализуются социальные исследования в области сексуальности, репродуктивных прав и репродуктивного здоровья [Здравомыслова, Тёмкина, 2011]. Применяются преимущественно качественные исследовательские методы, такие как биографические интервью и фокус-группы[1]. Социальные исследования жизненных миров лесбиянок и геев принесли известность прежде всего Наде Нартовой [Nartova, 2007] и Александру Кондакову [Кондаков, 2014; 2017].

В российской исторической дисциплине гендерные исследования относительно востребованы. Ирина Юкина в своем убедительном анализе отводит особое место работе историков в российских университетах за пределами столиц. В ее исследовании делается акцент на истории российского женского движения с XIX века до настоящего времени [Iukina, 2014]. Сборник, вышедший в 2014 г. на английском языке, содержит статьи об истории сексуального насилия, дискурсах о проституции в начале XX века, предпринимательни-

1 Это было подвержено критике со стороны Марины Кашиной в ее рецензии на выпущенную под редакцией Елены Здравомысловой и др. книгу «Практики и идентичности: гендерное устройство» [Кашина, 2012, с. 139].

цах в дореволюционной России и социальной практике набожности женщин в постреволюционной России [Muravyeva, Novikova, 2014].

Российская ассоциация исследователей женской истории, являющаяся национальным представительством Международной федерации исследований женской истории, ежегодно проводит конференцию, в которой принимают участие зарубежные историки. Если брать сборники, выпущенные по результатам мероприятий ассоциации в прошлые годы, то можно зафиксировать явное преобладание материалов по женской истории[1]. Примером может служить статья Пушкаревой и Золотухиной о положении женской и гендерной истории в России, само название которой предполагает, что речь должна идти в том числе о гендерной истории (gender history), однако в тексте в основном говорится о женской истории (women's history). Авторы идентифицируют два основных направления российской женской и гендерной истории, одно из которых представляет традиционное и эссенциалистское видение гендера, а другое, напротив, ставит под сомнение гендерные различия и, кроме того, активно продвигает феминистскую исследовательскую парадигму [Pushkareva, Zolotukhina, 2017].

В языкознании Алла Кирилина и Мария Томская [2005] изучают взаимосвязь языка и гендера. В Московском государственном лингвистическом университете в 2000 г. создана Лаборатория лингвистических гендерных исследований, которая ориентируется на подходы когнитивной лингвистики, исследования дискурса и социального конструктивизма. Язык при этом рассматривается как инструмент, который открывает доступ к познанию нелингвистических феноменов[2]. Однако подобные подходы занимают в постсоветской лингвистике маргинальное положение: специфические гендерные различия в языке рассматриваются как экстралингвистические факторы, которые не могут быть предметом «настоящих» языковых исследований [Першай, 2002, с. 243].

В целом [в постсоветском языкознании] очень сильны структуралистские традиции. Постструктуралистские подходы, которые базируются на понимании взаимного влияния языка и не-языковой реальности, до настоящего времени не смогли добиться признания [Scheller-Boltz, 2015a, p. 96]. Использование мужского рода распространено и в общей языковой практике рассматривается как

1 Название конференции 2016 г. звучало «Материнство и отцовство сквозь призму времен и культур», в статьях рассматривалось, однако, преимущественно материнство [Пушкарева, 2016].

2 См. интернет-страницу Лаборатории: https://linguanet.ru/science/nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost/tsentr-sotsiokognitivnykh-issledovaniy-diskursa/laboratoriya-gendernykh-issledovaniy/.

правильное и нормальное, в то время как феминитивы воспринимаются как стигма или в некоторых случаях как нечто уничижительное [Scheller-Boltz, 2015b, p. 16]. Соответствующий гендеру язык и видимость женщин на уровне языка проявляются очень редко и рассматриваются в основном как ненужные [Кронгауз, 2015, с. 165].

3. Заключительные замечания

В целом нынешнее положение гендерных и квир-исследований в России можно описать скорее в мрачных тонах. От ранних 1990-х, полных надежд и прорывов, осталось немного. Прекращение финансовой поддержки иностранных и международных организаций и закон об «иностранных агентах» поставили точку в существовании практически всех независимых центров гендерных и квир-исследований. Сергей Ушакин, культуролог из Барнаула, который недавно стал профессором в Принстоне, привнес на стыке тысячелетий значительный вклад в гендерные исследования в России. В 2012 г. он отметил в интервью, что российские гендерные исследования, на его взгляд, стали скучными, предсказуемыми и «неустойчивыми» [Polit.ru].

Сьюзан Циммерманн некоторое время назад критически оценила масштабную поддержку западными инвесторами гендерных и квир-исследований на постсоветском пространстве, а также других исследовательских проектов, рассматриваемых как прогрессивные и демократичные. Темы и ценности заданы по умолчанию в гегемонном ключе, речь шла о том, чтобы удержать постсоветское пространство в сфере западного влияния [Zimmermann, 2007–2008, p. 157]. Эта критика может быть оправданной. Неспособные к международной интеграции или вовсе забытые провинциальные наука и образование вряд ли нуждаются в гендерных и квир-исследованиях даже в качестве безвредного придатка к устаревшим теоретическим изысканиям социальных ролей, а то и вовсе к биологически детерминированным исследованиям [Воронцов, 2014]. Посмотрим, как будут развиваться гендерные и квир-исследования после ухода иностранных фондов из России[1].

Пришел ли конец гендерным и квир-исследованиям в России? Об этом пока еще рано говорить. Безусловно, они являются нишевой

1 Мое несистематическое наблюдение: некоторые исследователи и исследовательницы из области гендерных или квир-исследований между тем заняты в Высшей школе экономики в Москве или Санкт-Петербурге. Хотя там нет явного фокуса на гендере или гендерных исследовательских центров, однако существует, возможно, концентрация соответствующего интеллектуального потенциала.

программой и находятся сейчас в неблагоприятном положении как политически, так и социально. Помимо того они возможны лишь как международный проект. Приведем две цитаты главных действующих лиц в этом поле, которые должны подчеркнуть серьезность, но не безнадежность ситуации: «Гендерные исследования становятся более узкими и критическими; в настоящее время они не приносят денег или блага, но, напротив, могут принести бесчестие и унижение» [Temkina, Zdravomyslova, 2014, p. 266].

«[...] “Мода” на женские и гендерные исследования спала, и лишь самые непоколебимые и преданные сторонники продолжают способствовать их развитию. Изучая женскую историю и гендер, защитники знания ищут ответы на собственные вопросы об эпохе и о себе самих, об их месте в мире и необходимости подобных исследований. По этой причине я могу с уверенностью сказать, что гендерные исследования в России выживут вне зависимости от того, какие катаклизмы случатся в будущем» [Pushkareva, 2014, p. 12].

Наибольшим успехом при этом пользуются исследователи и исследовательницы, которым удается получить признание как в международной, так и в российской академической среде. Анна Тёмкина и Елена Здравомыслова, которые принадлежат к этой группе, подчеркивают, что гендерные и квир-исследования в смысле публичной социологии [Burawoy, 2005] непременно должны носить политический характер [Temkina, Zdravomyslova, 2014, p. 259]. Это особенно важно в обществе, подверженном влиянию биополитического поворота, где доминируют патриархальные и антилиберальные ценности.

Библиография

Воронцов Д. (2014) Гендер и квир: novum organum российской социальной психологии, или «приличные» термины для «неприличного» предмета. *Социальная психология и общество,* 5 (4): 14–28.

Гапова Е. (2010) Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии. Г.А. Комарова (ред.) *Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т.II,* М.: ИЭА РАН: 64–85.

Город 812 (2016) *Трудно ли быть иностранным агентом?* (http://www.online812.ru/2016/08/08/003/)

Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) (2011) *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы,* СПб.: Изд-во ЕУСПб.

Здравомыслова О. (2017) «Материнский статус по-прежнему определяет для женщин все». *Forbes Woman* (http://www.forbes.ru/forbes-woman/339669-sociolog-olga-zdravomyslova-materinskiy-status-po-prezhnemu-opredelyaet-dlya)

Исупова О. (2000) Социальная мысль материнства в современной России. *Социологические исследования*, (11): 98–107.

Кашина М. (2012) Рецензия на книгу «Практики и идентичности: гендерное устройство. *Laboratorium*, (1): 139–144.

Кашина М. (2016) О научном подходе в дискуссии о значении гендерных исследований и гендерного законодательства для России. *Власть*, (6): 138–144.

Кирилина А., Томская М. (2005) Лингвистические гендерные исследования. *Отечественные записки* (2) (http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html)

Климова Л. (2017) *Страница найдена.* (https://www.litres.ru/lena-klimova/stranica-naydena/)

Кон И. (1997) *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России*, М.: О.Г.И.

Кон И. (1998) *Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви*, М.: Олимп.

Кондаков А. (ред.) (2014) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований.

Кондаков А. (2017) *Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России*, СПб.: Центр независимых социологических исследований.

Кронгауз М. (2015) Гендерная парадигма названий людей. *Proceedings of the International Conference "Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives, and Possibilities in the Slavonic Languages" (Innsbruck, 1–4 October 2014).* Vol. 59. Harrassowitz Verlag: 165–171.

Першай А. (2002) Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР. *Гендерные исследования*, (7–8): 236–249.

Пушкарева Н. (2002) *Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии*, М.: Ладомир.

Пушкарева Н., Мицюк Н. (ред.) (2016) *Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т.*, Смоленск; М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН.

Росстат (2016) *Женщины и мужчины России. 2016: Стат. сб.*, М.: Росстат.

Сташ (2015) *Заявление президента фонда Макартуров Джули Сташ о закрытии филиала в России.* (https://www.macfound.org/press/press-releases/statement-macarthur-president-julia-stasch-foundations-russia-office/)

Тартаковская И. (2002) Мужчины на рынке труда. *Социологический журнал*, (3): 112–125.

Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Эминов Д.С. (2016) Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России. *Власть*, (1): 5–15.

Barchunova T. (2009) Gender Studies in Russia as a Transnational Project. M. Ineichen, A.K. Liesch, A. Rathmann-Lutz, S. Wenger (eds) *Gender in Trans-it. Transkulturelle und Transnationale Perspektiven.* Zuerich: Chronos Verlag: 95–105.

Blagojevic M. (2009) *Knowledge Production at the Semiperiphery. A Gender Perspective*, Belgrade: Institut za kriminološka i sociološka istraživanja.

Burawoy M. (2005) For public sociology. *American Sociological Review,* (70): 4–28.

Garstenauer T. (2010) *Geschlechterforschung in Moskau: Expertise, Aktivismus und Akademie,* Wien/Berlin: LIT Verlag Münster.

Hark S., Villa P.-I. (eds) (2015) *Anti-Genderismus: Sexualität und Geschlecht als Schauplätze aktueller politischer Auseinandersetzungen*, Bielefeld. Transcript Verlag.

Iukina I. (2014) Overcoming Soviet Academic Discourse in the Regions: The History of Russian Women's Movements. M. Muravyeva, N. Novikova (eds). *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field,* Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 16–25.

Johnson J.E., Saarinen A. (2013) Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia. *Signs: Journal of women in Culture and Society*, 38 (3): 543–567.

Khmelevskaja J., Nikonova O. (2003) Gender Studies in der russischen Provinz. *L'Homme. Zeitschrift fuer Feministische Geschichtswissenschaft*, 14 (2): 357–365.

Kondakov A. (2016) Teaching Queer Theory in Russia. *QED. A Journal in GLBTQ Worldmaking,* 3 (2): 107–118.

Kotkin S. (2006) *Innovation: Individuals, Networks, Patronage* (An evaluation of higher education support in Russia prepared for Moscow Ford Foundation office). *Unpublished manuscript*.

Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and Power in Putin's Russia. *Problems of Post-Communism*, 62 (1): 45–54.

Miljkovica D., Glazyrina A. (2015) The impact of socio-economic policy on total fertility rate in Russia. *Journal of Policy Modeling,* (37): 961–973.

Nartova N. (2007) "Russian Love", or What of Lesbian Studies in Russia? *Journal of Lesbian Studies*, 11 (3–4): 313–320.

Polit.ru (2012) *До и после гендера. Интервью с Сергеем Ушакиным.* (http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/)

Pushkareva N. (2014) Gendering Russian Historiography. M. Muravyeva, N. Novikova (eds). *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field,* Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 2–15.

Pushkareva N., Zolotukhina M. (2018) Women's and Gender Studies of the Russian Past: two contemporary trends. *Women's History Review,* 27 (1): 71–87.

Riabov O., Riabova T. (2014a) The Remasculinization of Russia? *Problems of Post-Communism*, 61 (2): 23–35.

Riabov O., Riabova T. (2014b) The Decline of Gayropa? How Russia intends to save the world. *Eurozine.* (http://www.eurozine.com/the-decline-of-gayropa/)

Rivkin-Fish M. (2013) Conceptualizing Feminist Strategies for Russian Reproductive Politics: Abortion, Surrogate Motherhood, and Family Support after Socialism. *Signs: Journal of women in Culture and Society,* 38 (3): 569–593.

Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2015) "Foreign Agents" in the field of social policy research: The demise of civil liberties and academic freedom in contemporary Russia. *Journal of European Social Policy,* 25 (4): 359–365.

Rotkirch A., Kesseli K. (2010) "The first child is the fruit of love". On the Russian tradition of early first births. Tomi Huttunen, Mikko Ylikangas (eds). *Witnessing Change in Contemporary Russia*. Helsinki: 201–220.

Scheller-Boltz D. (2015a) Russian Gender Linguistics Forced to Respond. Can Women Be Made Visible in Communication? (with examples from Polish, Czech, and Slovenian). O.P. Levchenko (ed.) *Ljudina. Komp'juter. Komunikacija. Zbirnik naukovich prac,* L'viv: 95–102.

Scheller-Boltz D. (2015b) From Isolation to Integration. Gender and Queer Research in Slavonic Linguistics: Challenges, Approaches, Perspectives. An Introduction. D. Scheller-Boltz (ed.) *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*. Wiesbaden: 15–31.

Stella F., Nartova N. Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin's Russia. *Sexuality, citizenship and belonging: trans/national and intersectional perspectives.* L.; N.Y.: Routledge: 17–36.

Temkina A. (2010) Childbearing and Work-Family Balance among Contemporary Russian Women. *Finnish Yearbook of Population Research,* (XLV): 83–101.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology,* (1): 253–270.

Walker Sh. (2016) Russian and Ukrainian women's sexual abuse stories go viral. *The Guardian* (https://www.theguardian.com/world/2016/jul/08/russian-ukrainian-women-sexual-abuse-stories-go-viral)

Zdravomyslova E., Temkina A. (2012) The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. *Russian Studies in History,* 51 (2): 13–34.

Zimmermann S. (2007–2008) The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration. *East Central Europe/ECE,* (34–35): 131–160.

References

Barchunova T. (2009) Gender Studies in Russia as a Transnational Project. M. Ineichen, A.K. Liesch, A. Rathmann-Lutz, S. Wenger (eds) *Gender in Trans-it. Transkulturelle und Transnationale Perspektiven.* Zuerich: Chronos Verlag: 95–105.

Blagojevic M. (2009) *Knowledge Production at the Semiperiphery. A Gender Perspective,* Belgrade: Institut za kriminološka i sociološka istraživanja.

Burawoy M. (2005) For public sociology. *American Sociological Review,* (70): 4–28.

Gapova E. (2010) Gendernye Issledovanija kak zerkalo postsovetskoj akademii. [Gender studies as a mirror of postsoviet academia]. G. A. Komarova (ed.) *Antropologija akademicheskoj zhizni: mezhdisciplinarnye issledovanija. T.II [Anthropology of academic life: interdisciplinary studies. Vol.II],* Moscow: Institut of Ethnographie and Anthropology: 64–85.

Garstenauer T. (2010) *Geschlechterforschung in Moskau: Expertise, Aktivismus und Akademie,* Wien/Berlin: LIT Verlag Münster.

Gorod 812 (2016) *Trudno li byt' inostrannym agentom?* [Is it hard to be a foreign agent?] (http://www.online812.ru/2016/08/08/003/)

Hark S., Villa P.-I. (eds) (2015) *Anti-Genderismus: Sexualität und Geschlecht als Schauplätze aktueller politischer Auseinandersetzungen*, Bielefeld. transcript Verlag.

Isupova O. (2000) Social'naja mysl' materinstva v sovremennoj Rossii. [Social thought on maternity in modern Russia]. *Sociologicheskie issledovanija*, (11): 98–107.

Iukina I. (2014) Overcoming Soviet Academic Discourse in the Regions: The History of Russian Women's Movements. M. Muravyeva, N. Novikova (eds). *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 16–25.

Johnson J.E., Saarinen A. (2013) Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia. *Signs: Journal of women in Culture and Society*, 38 (3): 543–567.

Kashina M. (2012) *Practices and identities: gender arrangement. Laboratorium*, (1): 139–144.

Kashina M.A. (2016) O nauchnom podchode v diskussii o znachenii gendernych issledovanij i gendernogo zakonodatel'stva dlja Rossii. [Of scientific approach in the discussion on the meaning of gender research and gender legislation for Russia]. *Vlast'*, (6): 138–144.

Khmelevskaja J., Nikonova O. (2003) Gender Studies in der russischen Provinz. *L'Homme. Zeitschrift fuer Feministische Geschichtswissenschaft*, 14 (2): 357–365.

Kirilina A., Tomskaja M. (2005) Lingvisticheskie gendernye issledovanija. [Linguistic gender studies] *Otechestvennye zapiski*, (2) (http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html)

Klimova L. (2017) *Stranica najdena.* [Page found] (https://www.litres.ru/lena-klimova/stranica-naydena/)

Kon I. (1997) *Klubnichka na berezke. Seksual'naja kul'tura v Rossii.* [*Strawberry on a birch-tree. Sexual culture in Russia]*, Moscow: O.G.I.

Kon I. (1998) *Lunnyj svet na zare: liki i maski odnopolovoj ljubvi. [Moonlight at dawn: faces and masks of same-sex love],* Moscow: Olimp.

Kondakov A. (ed.) (2014) *Na Pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy. [On the Crossroads: Methodology, Theory, and Practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg: Centre for Independent Social Research.

Kondakov A. (2016) Teaching Queer Theory in Russia. *QED. A Journal in GLBTQ Worldmaking*, 3 (2): 107–118.

Kondakov A. (2017) *Prestuplenija na pochve nenavisti protiv LGBT v Rossii. [Hate-crimes against LGBT in Russia],* St. Petersburg: Centre for Independent Social Research.

Kotkin S. (2006) *Innovation: Individuals, Networks, Patronage* (An evaluation of higher education support in Russia prepared for Moscow Ford Foundation office). *Unpublished manuscript*.

Krongauz M. (2015) Gendernaja paradigma nazvanij ljudej. [Gender paradigm of naming people]. *Proceedings of the International Conference "Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives, and Possibilities in the Slavonic Languages" (Innsbruck, 1–4 October 2014).* Vol. 59, Harrassowitz Verlag: 165–171.

Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and Power in Putin's Russia. *Problems of Post-Communism*, 62 (1): 45–54.

Miljkovica D., Glazyrina A. (2015) The impact of socio-economic policy on total fertility rate in Russia. *Journal of Policy Modeling*, (37): 961–973.

Nartova N. (2007) "Russian Love", or What of Lesbian Studies in Russia? *Journal of Lesbian Studies*, 11 (3–4): 313–320.

Pershaj A. (2002) Kolonizacija naoborot: gendernaja lingvistika v byvshem SSSR. [Reversed colonization: gender linguistic in former USSR]. *Gendernye Issledovanija*, (7–8): 236–249.

Polit.ru (2012) *Do i posle gendera. Interview s Sergeem Oushakinym.* [*Before and after gender. Inteview with Sergei Oushakine]* (http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/)

Pushkareva N. (2002) *Russkaja zhenshchina: istorija i sovremennost'. Istorija izuchenija "zhenskoi temy" russkoi i zarubezhnoi naukoi, 1800–2000: Materialy k bibliografii [Russian woman: history and present time. History of study of "women's topic" by Russian and Foreign Science, 1800–2000: Materials for Bibliography],* Moscow: Ladomir.

Pushkareva N. (2014) Gendering Russian Historiography. M. Muravyeva, N. Novikova (eds). *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 2–15.

Pushkareva N., Mitsyuk N. (eds) (2016) *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmy vremeni i kul'tur: Materialy Devjatoj mezhdunarodnoi konferentsii RAIZHI i IEA RAN: v 2 t. [Maternity and paternity through the lens of time and cultures: Materials of Ninth International Conference of RAIZHI & IEA RAN in 2 vol.],* Smolensk; Moscow: Smolensk State University, Institute of Ethnography and Anthropology RAS.

Pushkareva N., Zolotukhina M. (2018) Women's and Gender Studies of the Russian Past: two contemporary trends. *Women's History Review*, 27 (1): 71–87.

Riabov O., Riabova T. (2014a) The Remasculinization of Russia? *Problems of Post-Communism*, 61 (2): 23–35.

Riabov O., Riabova T. (2014b) The Decline of Gayropa? How Russia intends to save the world. *Eurozine*. (ttp://www.eurozine.com/the-decline-of-gayropa/)

Rivkin-Fish M. (2013) Conceptualizing Feminist Strategies for Russian Reproductive Politics: Abortion, Surrogate Motherhood, and Family Support after Socialism. *Signs: Journal of women in Culture and Society*, 38 (3): 569–593.

Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2015) "Foreign Agents" in the field of social policy research: The demise of civil liberties and academic freedom in contemporary Russia. *Journal of European Social Policy*, 25 (4): 359–365.

Rosstat (2016) *Zhenshiny i muzhchiny Rossii. 2016: Stat.sb. [Women and men of Russia. 2016. Statistical Collection],* Moscow: Rosstat.

Ustinkin S., Rudakova E., Eminov D. (2016) Gendernye strategii ,mjagkoj sily NPO kak instrument pereformatirovanija kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii. [Gender strategies of soft power of NPO as an instrument of reformation of cultural code of Russian society and state], *Vlast'*, (1): 5–15.

Vorontsov D. V. (2014) Gender i kvir: novum organum rossijskoj social'noj psichologii, ili "prilichnye" terminy dlja "neprilichnogo" predmeta.[Gender and queer: novum

organum of Russian social psychology, or “decent” terms for “indecent” subject]. *Social'naja psichologija i obshchestvo,* 5 (4): 14–28.

Walker Sh. (2016) Russian and Ukrainian women's sexual abuse stories go viral. *The Guardian.* (https://www.theguardian.com/world/2016/jul/08/russian-ukrainian-women-sexual-abuse-stories-go-viral)

Zdravomyslova E., Temkina A. (eds) (2011) *Zdorov'e i intimnaja zhizn': sociologicheskie podhody [Health and private life: sociological approaches],* St. Petersburg: EUSP Press.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2012) The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. *Russian Studies in History,* 51 (2): 13–34.

Zdravomyslova O. (2017) Materinskij status po-prezhnemu opredeljaet dlja zhenshchin vse. *[Motherhood as a status still defines everything for a woman]. Forbes Woman.* (http://www.forbes.ru/forbes-woman/339669-sociolog-olga-zdravomyslova-materinskiy-status-po-prezhnemu-opredelyaet-dlya)

Zimmermann S. (2007–2008) The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration. *East Central Europe/ECE,* (34–35): 131–160.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Гарстенауэр Т. (2018) Гендерные и квир-исследования в России. *Социология власти*, 30 (1): 160-174.

Garstenauer T. (2018) Gender and Queer Studies in Russia. *Sociology of Power,* 30 (1): 160-174.

Поступил в редакцию: 10.01.2018; принят в печать: 12.02.2018